

КЭТРИН ГИЛБЕРТ МЁРДОК

Мальчик и его КНИГА

Иллюстрации ❖ Йен Шёнхерр

Карьера пресс
Москва

Посвящается Джилл

Особую благодарность хочу выразить медиевисту Дэниелу Лорду Смейлу за то, что прочитал мой манускрипт и указал на фактические ошибки. Я исправила их почти все.

К. Г. М.

СОДЕРЖАНИЕ

I ❖ Исход

- 1 ❖ Незнакомец 1
- 2 ❖ Продан за молитву 8
- 3 ❖ Ребро зуб перст берцовая кость прах
череп гроб 9
- 4 ❖ Мор 27
- 5 ❖ Каменный мост 36
- 6 ❖ Сен-Пьерс-Па 46
- 7 ❖ Праздник Пасхи 56
- 8 ❖ Дорожная развилка 68

II ❖ Вор реликвий

- 9 ❖ Зуб, вторая 77
- 10 ❖ Купание 89
- 11 ❖ Рассказ о покрывале, насквозь
промокшем от слез 101
- 12 ❖ Воровство 108
- 13 ❖ Перст, третий 116
- 14 ❖ Больной маленький мальчик 124

- 15 ❖ Неприятности 130
16 ❖ Ангел 138

III ❖ Злоумышление и бедствие и сокрушение

- 17 ❖ Тысячелетний план 149
18 ❖ Вниз по реке 159
19 ❖ Только что вылупившийся
цыпленок 168
20 ❖ Удар берцовой костью 178
21 ❖ В море 188
22 ❖ Конец мира 196
23 ❖ Ползком 205
24 ❖ Прах, пятый 212

IV ❖ Возвращение

- 25 ❖ Рыжебородый и седой 223
26 ❖ Нарисованный ангел 230
27 ❖ Головы святого Петра
и святого Павла 239
28 ❖ Череп, шестой 250
29 ❖ Разбойники и волки 257
30 ❖ Гроб, седьмой 268
31 ❖ Мальчик 279
32 ❖ Ребро зуб перст палец ноги прах
череп кров 289

- Послесловие автора 303
Об авторе 307

Ключ от ада отпирает любой замок.

I

Исход

1 ❖ Незнакомец

Эта история тоже начинается с яблока. Но яблоко из моей истории не могло ввести никого в искушение своим сочным и румяным боком; напротив, оно перезрело и сморщилось, поскольку росло слишком высоко, чтобы до него можно было дотянуться, и слишком крепко вцепилось в дерево, чтобы упасть самому. Оно плясало на тоненькой ветке, стегающей холодный мартовский ветер. Козы передними ногами молотили воздух вокруг ствола и блеяли от досады.

— Козы, не жадничайте, — сказал я, карабкаясь на дерево, — а то разжиреете как свиньи, и Кухарка порежет вас на ветчину.

Но, пригрозив так, я рассмеялся, давая им понять, что я это не всерьез. Ветка качалась туда-сюда, поскольку

ку фруктовые деревья уже два года никто не подрезал, и кроны топорщились прутьями, как птичьи гнезда.

— Не царапайся, дерево, — прошептал я, — я не причиню тебе вреда, обещаю.

Яблоня оказалась выше, чем я поначалу предполагал, но я не боюсь высоты, да и лазать не боюсь — ты бы мог забраться даже на облако, говаривал отец Петрус, упокой Господь его душу. Ты просто чудо, мой мальчик, обычно прибавлял он, да так часто, что я почти ему поверил.

Так что я карабкался все выше, покуда не оказался вровень с макушками остальных яблонь. Я мог видеть усадьбу, что служила нам защитой.

— Козы, — крикнул им я оттуда, — я вижу наш хлев!

Тогда-то я и углядел паломника. Козы-то его видеть не могли, поскольку сорняки за два года тоже порядком разрослись.

— Он высокий, козы, и на нем коричневая ряса, какую носят паломники, и плащ, и шляпа с полями, и посох, что вровень с ним самим, и на длинной палке он несет тяжелую котомку. Он, быть может, следует в Святую землю или в Рим, чтобы узреть ключ к небесам...

Вот же повезло кому-то увидеть мир и снискать Божью благодать, подумал я и помахал паломнику с верхушки яблони. Но он не помахал в ответ.

Так что я решил произвести на него впечатление. Я прошел по одной ветке, потом по другой, не держась даже и за прутик, ибо гордыня влечет нас к падению. И все ближе подбирался к тому яблоку... Потом потянулся и ухватил его — и тут же полетел вниз, рассекая холодный мартовский воздух; но падать я тоже не боюсь, и я приземлился на мерзлую землю — в колпаке листья, на губах — смех... Нет в мире ничего слаще полета.

Козы сгрудились вокруг меня: ба! — фыркали они, *мог бы поменьше скакать и получше нас кормить*. Бурая матка тут же вытащила у меня зажатое в кулаке яблоко и убежала, алчно блестя глазами, ибо козам тоже ведомы пороки...

Я лежал, посмеиваясь над жизнью, и козами, и над всем этим ясным холодным днем. Холоду рано или поздно придет конец, и весна отяжелит ветки яблоневым цветом, как уже отяжелила она животы коз...

Паломник склонился надо мной, поля его шляпы заслонили небо...

О, он меня даже немного напугал. Это был мой сад, мой и моих коз.

— Кто твой господин? — Лицо паломника оставалось в тени, голос был суров.

Он даже не поздоровался со мной. Надо ли мне с ним поздороваться? Я не знал.

— Ты умеешь говорить?

— Д-да...

— И где сейчас твой господин?

Я встал, вытряхивая сухую траву из колпака, овчины и рукавов рубахи. У паломника к шляпе было пришпилено не меньше дюжины значков; гребешок святого Иакова, голова святого Фомы... Бог свидетель, этот человек пришел издалека...

Я указал на усадьбу, что высилась за заросшим сорняками рвом:

— Там...

— Хмпф. — Он повернулся, сжимая в руке посох, и зашагал в ее сторону. — Ну? Так проведи меня туда.

— О! Да... милорд. — Я прибавил «милорд», чтобы он не подумал, будто я грубиян.

— И выпрямись.

Щеки у меня вспыхнули. Зачем он заметил? Зачем все они замечают?

— Я и выпрямился, — прошептал я.

— Хмпф. Горбун. По крайней мере, ходить-то ты можешь. — Он щелкнул пальцами в сторону котомки, что

тащил на себе, котомки на конце шеста: — Понеси-ка это. И поосторожней, оно стоит поболе, чем ты.

Я поспешил ухватить котомку, гадая, нести ли мне ее в руках — она и правда ценнее, чем я? — или подцепить к шесту, как это делал сам паломник... Козы сгрудились вокруг, но я держал котомку так, что им было не достать. Никогда не знаешь, на что они способны, козы.

Так, с опущенной головой, я и поплелся за паломником. Под такой ношей кто угодно сгорбится...

Он же двинулся напрямиком к усадьбе, не спрашивая дороги, но ему и незачем было: козы протоптали туда тропу, щедро пометив ее своим пометом. Я тащился следом, спотыкаясь о шест... Он шел так быстро, что мне пришлось перейти на рысь.

— Как тебя зовут?

Я ощутил на себе его взгляд, лучше бы он не смотрел в мою сторону.

— Мальчик.

Он фыркнул.

— Как тебя зовет мать?

— У меня ее нет.

— О! Моровая язва!

— Никогда не было.

— Никогда? — переспросил он насмешливо.

Я покачал головой. Отец Петрус уж точно не приходился мне матерью, хотя если я и мог кого-то числить родней, то лишь его одного. Это он звал меня «Мальчик». *Никогда не разоблачай себя, Мальчик...* После чего дал мне подзатыльник, чтобы убедиться, что я усвоил сказанное.

— А что насчет отца?

Я пожал плечами. В поместье не один я рос без папы. Его глаза блеснули под широкими полями шляпы.

— А! Лицо ангела и тело беса — полагаю, это все, что можно о тебе сказать, мой мальчик.

— Не *мой мальчик*. Просто Мальчик. Так меня зовут. — Остальное меня не слишком задело. Он был не из тех, кто зовет меня Мальчик, пусть думает что хочет.

Мы прошли мимо лачуг, вернее, того, что от них осталось. Паломник пошел напрямик, не свернув следом за тропой, ибо даже козы огибали лачуги.

В первой лачуге — ныне просто черное пятно, заросшее двухлетними сорняками, — жил пастух, упокой Господь его душу, который умел играть на дудочке. Он обещал научить и меня, но мор унес его прежде, чем он смог это сделать. Быть может, он теперь играет на своей дудочке в раю.

Вторая лачуга когда-то укрывала вдову и ее сына. Они тоже простились с этой жизнью, оба. От хижины оста-

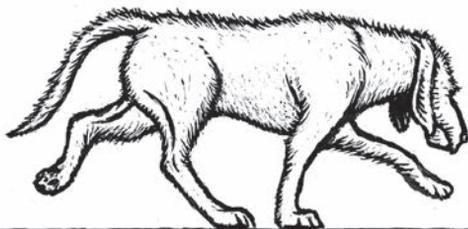
лись лишь четыре обугленные опоры. *Прошу вас, взмолился я, мученики Господни, проводите их до рая.*

Я боком пробрался мимо последней лачуги с прогнившей кровлей и черным дверным проемом. Тут жила семья, называвшая меня не иначе, как чудовищем, даже малышня, что едва умела говорить, а мать смеялась, когда ее дети швыряли в меня камнями.

Проходя мимо хижины, я попытался помолиться и за них, но никак не мог подобрать слова. Пальцы мои сами собой нырнули под колпак и дотронулись до шрама на голове. Пусть Господь простит мне мое жестокосердие.

— Держи эту котомку двумя руками, Мальчик, — велел паломник, башмаки его с хрустом вминали примороженную траву.

Я торопливо вернул руку на место. Мне не нравился этот паломник. Не нравился человек, который видел то, что ему не следовало видеть, и не боялся того, чего нужно бояться. Этот паломник был опасен.

2 ❖ Продан за молитву

Паломник проламывался сквозь заросли. Я поспешал за ним, а козы наступали мне на пятки, поскольку в зарослях, как им было известно, укрывались волки.

Там, на холме, высилась усадьба, виноградные лозы увидели ее основание, точно пышные юбки какой-нибудь дамы.

— Сэр Жак там, — указал я, — милорд.

— Проведи меня к нему.

— Но... — Что я мог ему ответить? Я глотнул. — Да, милорд.

На холме козы от нас отстали. Мы не были в усадьбе желанными гостями — я из-за своего горба, а козы потому, что выводили из себя собак. Когда-то все было иначе; поскольку миледи любила и козью легкую повадку, и мои

услуги, но теперь моя госпожа покинула этот мир, и трое ее прелестных детишек вместе с ней, и другая женщина заправляла тут всем.

Когда я вошел во двор, подбежали собаки, я с ними всегда водил дружбу. От паломника они, однако, старались держаться подальше, собаки слишком умны, чтобы доверять незнакомцам. Так что дальше я продвигался, окруженный виляющими хвостами. Я старался держать паломникову котомку подальше от любопытных собачьих носов и не споткнуться при этом на камнях.

Сэр Жак сидел на солнышке, куда его выносили проветриться из вонючей постели каждый раз, когда это позволяла погода. Как бы ни хлопотали слуги, да и сама миледи, покуда была жива, сэр Жак наотрез отказывался надевать шапку. Может, грубая ткань раздражала его, а может, остатками своего разума он желал, чтобы мир знал о его страданиях. Ибо даже с этого расстояния я видел торчащий у него в черепе обломок — тот, что он получил во время того злополучного турнира. Он сидел в полудреме, уставившись в пустоту.

— А, — сказал паломник, — твой господин.

Я кивнул, довольный тем, что ничего не потребовалось объяснять.

Собаки обнюхали паломника и стояли, раздувая ноз-

дри. Теперь и я мог чують этот запах в холодном воздухе, кислый неприятный запах.

Потом до нас долетел скрипучий голос:

— Я вышибу тебе оба глаза, если расколотишь эти яйца... Кто это?

Кухарка вышла из кухонной двери, вытирая руки о платье. Когда-то это платье принадлежало миледи, хотя ныне швы разлезлись, а манжеты запятнало кислое молоко.

Паломник наклонил голову, но — заметил я — шляпу не приподнял.

— Доброе утро, мадам. Я Секундус, скромный паломник.

Слово «скромный» его рот зажевал и выплюнул перекореженным.

Собаки пытались спрятать морды мне в подмышки.

Мальчик, Мальчик, этот человек нам не нравится, Мальчик.

— Я не подаю паломникам, — фыркнула Кухарка, — спроси хлеба в трактире, как то вам позволяет закон.

Она хорошо знала, кому что позволяет закон, Кухарка.

Секундус растянул рот в улыбке, которая не была улыбкой.

— Я иду на пасхальную службу в Сен-Пьерс-Па¹.

Сен-Пьерс-Па? Сен-Пьерс-Па большой город, до него целых три дня пути. Хромые шли туда в поисках исцеления. Стоя в сторонке, я оглядел этого кисло пахнущего паломника. Он не был похож на хромого.

— Что с того? — проворчала Кухарка.

Глаза его сверкнули.

— Я бы хотел, чтобы этот малый пошел со мной. Вот этот Мальчик, что так здорово умеет лазать.

Я понадобился паломнику? Я? На целых три дня?

Мальчик, Мальчик, этот человек пугает нас, шептали собаки.

Меня тоже, прошептал я в ответ.

— Мальчик? — фыркнула Кухарка. — Да от него никакого толку.

Она отзывалась обо мне и похуже. Она не раз говорила, что это мое уродство, мой горб навлек на нас мор.

Секундус указал на котомку, что я держал в руках:

— Я изнемог под своей ношей. Пусть он поможет мне.

Но ведь эта его котомка ничего не весила! Все, все, что он тут говорил, было ложью. Может, он и впрямь был

¹ «Шаг Святого Петра». Городок, который автор поместила у подножия горы Святого Петра в Пиренеях (юг Франции), где располагался католический монастырь — аббатство Сен-Пьер, основанное в VII веке н. э.

паломником, но грех был пришит к его душе крепко-на-крепко...

Кухарка приподняла брови:

— Так тебе нужен слуга? Ну что ж, тогда плати за его отлучку. Кто-то же должен, пока его нет, ходить за козами.

— Если от него, как ты говоришь, никакого толку, без него легко обойдутся.

Кухарка нахмурилась. Ее же собственные слова, к ее досаде, обратили против нее.

— Дитя столь юное, столь невинное... — паломник вздохнул, — милосердная церковь позволит ему молиться за ближнего своего, а на Пасху такая молитва легко дойдет до Небес. Поведай мне, добрая женщина, есть ли тут кто, что особо нуждается в Божьей милости? Грешник, которого страшит неминуемое адское пламя?

Губы Кухарки побелели. Она поглядела на Секундуса, потом на меня, потом, не совладав с собой, на сэра Жака, беспомощного и беспамятного, — своего господина, куда она не сделала его своим мужем.

Откуда паломник узнал?

— Молитва и, разумеется, пожертвование. — Секундус изобразил холодную улыбку.

Кухарка ринулась назад в кухню.

Паломник постукивал пальцами по посоху, ногти вы-

бивали дробь, равнодушный и к ворчанию Кухарки, и к ее торопливому бегству. Я топтался у него за спиной, голова шла кругом. Целых три дня до Сен-Пьерс-Па, и еще три дня пути назад. Шесть дней бок о бок с этим человеком!

Мальчик, Мальчик, что случилось? — спрашивали собаки. *Нам страшно, Мальчик, Мальчик!*

Я почесал им уши. Кое-кому еще страшнее.

— Держи эту котомку двумя руками, Мальчик.

Паломник, казалось, подмечал все. Я, дрожа, вцепился в котомку.

Кухарка выбежала наружу с серебряным кубком, гравированным оленем: сэра Жак всегда провозглашал над ним тосты, покуда еще мог говорить. Она сунула кубок мне в руки.

— Вот мое пожертвование! Пускай он, — она указала на паломника, — ничего с ним не делает. Не позволяй ему дотрагиваться до него. Молись за сэра Жака, Мальчик. Молись за нашего короля, доброго короля Франции... И молись...

Я смотрел на нее. *Скажи мне, Кухарка. Скажи те слова, услышав которые Господь простит тебя.* Я не сказал этого вслух, но, должно быть, она прочла все по моему лицу. Не в первый раз.

— Молись за меня. — Она не смотрела мне в глаза.

Она оправила юбки, юбки моей госпожи. Моей госпожи, что сейчас мучилась в аду, ибо Кухарка не послала за священником. — Обещай, что помолишься.

— Обещаю, — поклялся я. Кухарка была не из тех, с кем можно не считаться.

— И, — добавил Секундус, — монетку на дорогу. Нам нужно что-то есть.

— Мальчик не ест.

— Зато я ем. И тогда я послежу, чтобы он как следует помолился за твою душу.

Глаза Кухарки метали пламя. Зашипев, она протянула паломнику медяк.

Откуда он узнал?

Он бросил монетку в сумку на поясе.

— Пошли, Мальчик. Путь у нас неблизкий.

Я взглянул на Кухарку:

— Прошу...

Вот как я был испуган, даже ее не постеснялся.

Но Кухарка лишь измерила взглядом с головы до ног сначала меня, потом паломника, значки, припиленные к его шляпе, его поношенные кожаные башмаки.

— Я потребую подробного отчета. А теперь, паломник, если позволишь, у меня еще полным-полно дел.

Она захлопнула двери у меня перед носом и перед но-

сом паломника. Но я даже сквозь стены мог слышать ее мысли: «Может, вам еще и хлеба вынести? Ну уж нет!»

Я должен ей повиноваться, Кухарке. Той, что управляла тут всем и всегда к своей выгоде. Той, что решила, что серебряный кубок купит ей пропуск на Небеса. Я должен сопровождать этого человека и делать то, что он мне велит.

Это же лишь на шесть дней, столько я смогу вытерпеть, если очень постараюсь.

Секундус уже шел через двор — силы благие, до чего же он быстр! Я поспешил за ним, собаки потрусили следом.

Слишком поздно услышал я тяжелые шаги. Двери хлева перечеркнула огромная тень.

Собак как ветром сдуло.

— Глянь-ка кто тут, — фыркнул Бык. Он был лишь на пару лет старше меня, но уже ростом со взрослого мужчину, и голос такой же.

Я попятился, и, хотя по-прежнему цепко держал кубок, и котомку, и шест, пальцы мои потянулись к шраму под глазом. Глубокому шраму. Он кровоточил долгие дни...

— Звереныш нашел себе хозяина, — фыркнул Бык. Он был здоровенный как медведь и тупой как валун, но

и жестокий, точно дикий кабан, а я был его излюбленной жертвой.

Паломник остановился, разглядывая Быка, хихикавшего над своей шуткой, и двинулся к нему.

Смешок застрял у Быка в горле, глазки заметались туда-сюда. Но выбора не было, так что он шагнул навстречу.

Я следил за ними, как мышь за схваткой двух гадюк.

Бык был здоровенным, но невысоким. Ниже Секундуса. И не таким... страшным.

Секундус метнулся как молния, ткнув наверху посоха Быку под челюсть. Бык вздернул голову и уставился на Секундуса расширенными от ужаса глазами.

Я тоже вздернул голову. Ни разу я не видел, чтобы кто-то дал Быку взбучку.

— Сдается мне, ты грешник, — спокойно сказал Секундус, — ты кого защищаешь, слабых или сильных?

Бык облизнул губы.

— Я... я не знаю.

Секундус ждал. Я тоже ждал, в страхе кусая губы. Солнце застыло в небе.

Взгляд Быка метнулся в мою сторону.

— Кажись, не...

— Не что?

— Не защищаю слабых.

— Ах, — Секундус улыбнулся ледяной улыбкой, — тогда ты совершенно определенно грешник. — Он помолчал. — А знаешь, что бывает с теми, кто не защищает слабых?

Бык попытался глотнуть.

— Они идут напрямиком в ад. — Дыхание паломника клубилось в холодном воздухе. Он наклонился к Быку и спокойно продолжил: — А хочешь, я расскажу тебе, каков он, ад?

Бык едва заметно мотнул головой.

Секундус отступил на шаг.

Бык сложился пополам, точно сломанная кукла.

— Пошли, Мальчик. Нам предстоит долгий путь.

Бык схватился за горло, не сводя глаз с паломника. Не назвал меня уродцем. Не швырнул в меня камнем.

Я поспешил за Секундусом. Этот паломник страшил меня, что да, то да. Но он, по крайней мере, не называл меня уродцем. Он не швырялся камнями. Если честно, он выступил против тех, кто швырялся камнями. Он запугал худшего из них, запугал так, что сам огромный Бык повалился, как сломанная кукла.

Он владел силой, этот паломник. И его сила уже кос-

нулась меня. И сейчас потихоньку изменяла меня, как гнилое яблоко заражает соседние.

Я знал, что должен смотреть на дорогу. Но когда мы уходили со двора, я обернулся к Быку и сделал то, на что прежде никогда бы не осмелился.

Я показал ему язык.

3 ❖ Ребро зуб перст берцовая
кость прах череп гроб

Но уже спускаясь с холма и удерживая разом кубок, котомку и шест, я пожалел о своей выходке. Может, сообразил Бык и плохо, но память у него была хорошая. Шести дней ему не хватит, чтобы позабыть.

Козы бежали следом, жалобно бляя...

— Прочь! — огрызнулся Секундус. — Валите отсюда!

Ступайте, козы, сказал я им, я вернусь через шесть дней.

Ба! — фыркнули они. А кто будет развлекать нас, когда ты уйдешь?

Я не смог удержать улыбку:

Придется вам самим найти себе развлечение.

Ба! Это не ответ.

Тем не менее они, одна за другой, потрусили прочь, дергая хвостиками.

До свиданья, козы. И пусть святые уберегут вас от опасностей.

Ба! Ты, глупое создание, какие такие опасности? Мы же козы!

И вот я один-одинешенек следую за паломником. Мне остается либо повиноваться ему, либо бежать.

Усадьба за спиной становилась все меньше, а потом сорняки ее и вовсе заслонили. Надо бы выдернуть эти сорняки, сэр Жак ни за что бы не допустил такого безобразия...

Секундус встал, протянул руку:

— Дай сюда кубок.

Я не должен позволять ему даже дотрагиваться до этого кубка. Кухарка так велела.

Он поднял брови.

— Я сказал, дай мне кубок, Мальчик.

Все еще неохотно я протянул ему сокровище сэра Жака. Вот до чего слаб я был.

Кубок исчез в кармане его рясы. Взамен появилась длинная веревка.

— Неси эту котомку на спине, — велел он и сноровисто приторочил ее поверх моего горба и овчинной душе-

грейки. Но, как я заметил, сам к котомке не прикоснулся. — Если попытаешься открыть ее, я прослежу, чтобы тебя повесили.

Как и все, что он говорил, это было сказано не мне, а в пространство.

— И если сбежишь — тоже.

Я вздрогнул.

— А, ты боишься? Это хорошо. Страх делает тебя осторожным.

Он проверил веревки, затянутые у меня на груди, затем вновь зашагал.

— Опирайся на этот шест, как на палку. И пошевеливайся.

Я сделал, как мне было сказано, поначалу неохотно, но шест оказался весьма дружелюбным помощником, и, опираясь на него, я пошел быстрее. Веревки, натянутые поперек груди, немного мешали, но котомка оказалась легче, чем я поначалу думал. На деле она согревала мне горб даже поверх моей овчины.

Мы дошли до перекрестка. Паломник остановился.

— Сен-Пьерс-Па туда, — я показал вперед. — А эта дорога, — я указал вправо, — идет и идет, покуда не упрется в соленое море. Один путник рассказал мне.

— В самом деле? — спросил он со странной улыбкой,

так что я решил, что разумнее будет на этом остановиться.

Мы дошли до поля Мишеля-пахаря. Когда мор забрал у него сына, Мишель отдал мне его башмаки, которые и сейчас на мне. Я натолкал в них шерсти, чтобы они прилипли мне по ноге. Еще он отдал мне портки, которые я подвязывал веревочкой, и красный колпак, так что голова у меня теперь не мерзнет. А затем Мишель ушел, поскольку здесь его больше ничто не удерживало, и ныне его поле пустовало.

Мы дошли до самого дальнего места, которое я знал; большой, в два обхвата, березы. Три года назад, еще до мора, сэр Жак ускакал на турнир, и госпожа хотела, чтобы его встретили с почетом. Так что она дала мне флягу вина и отправила аж до этой березы ему навстречу. Я ждал и ждал, солнце уже садилось, и мне стало не по себе, но тут он наконец появился с памятным призом и сумкой, набитой монетами, потому что он всегда побеждал до того самого последнего раза, и он поднял меня и посадил перед собой в седло, так что я проехал верхом до самого дома. И он сказал, что никогда еще конь не вел себя так спокойно, как со мной в седле, и может, мне стоит заняться не козами, а лошадьми, поскольку мальчик, который умеет утихомирить лошадь, стоит как пять хороших собак.

Мы миновали березу, паломник и я, и пошли дальше неведомой мне дорогой, но голова моя так была забита воспоминаниями, что страху пришлось потесниться, как малышу, что жметя на лавке...

Паломник шагал и шагал, и я изо всех сил пытался не отстать. Мы прошли пустые деревни, где двери зияли, точно беззубые рты, и темные заросли сорняков, где могли скрываться всякие злобные твари, и я был рад, что мы шли быстро. Солнце склонялось к закату, и наши тени, что бежали перед нами, стали совсем длинными. Но паломник не стал останавливаться.

— Милорд? — прошептал я, и голос у меня дрожал не меньше, чем ноги. Он кашлянул, но ничего не ответил.

Наконец мы дошли до поляны, на которой чернело выжженное пятно. Секундус огляделся вокруг, потом кивнул сам себе и бросил на землю посох и шляпу.

— Мы будем здесь ночевать? — Я не сдержал страха, что звучал в голосе. А что, если нас найдут беглые преступники, или разбойники, или волки? Я содрогнулся при мысли об окружающем нас мраке и волках, что крадутся сквозь ночь, зловеще сверкая глазами...

— Похоже на то. — Он ступил в кусты.

Я последовал за ним.

— Уже и ненадолго одному побыть нельзя! — огрыз-

нулся он, и я торопливо отступил, хотя и недалеко. Я тоже присел на корточки, как это пристало людям, стараясь не бояться.

Паломник достал из сумки и протянул мне вяленое мясо, которое я принял, поскольку, если тебе предлагают еду, ее нужно принимать. Я, правда, взял только небольшой кусочек, чтобы не тратить еду понапрасну. Он же приступил к разведению костра.

Я бы хотел сесть рядом с ним, земля была такой холодной, а темнота так страшила... Но я боялся приблизиться. Я подумывал о том, чтобы снять котомку, что была приторочена к моей спине, но боялся спрашивать позволения, да и правду сказать, котомка согревала меня, и это было приятно. Я помолился — сначала за бедного сэра Жака, что потерял рассудок от удара копытом, потом за душу миледи и троих ее малюток, а после за отца Петруса, что покинул нас еще до моря. Я молился, чтобы Бык позабыл о том, что я показал ему язык. Я молился, чтобы волки меня не тронули. Я не молился за Кухарку — я помолюсь за нее в Сен-Пьерс-Па.

Я подтянул портки и завернулся в душегрейку, а конец колпака плотнее обмотал вокруг шеи. Огонь едва теплился, но я все еще держал над ним руки, чтобы согреться.

Секундус вытащил книгу. Книгу! Маленькую, потре-

панную, грязную. Края ее почернели, словно от огня. От книги тоже несло чем-то кислым.

— Вы можете читать, милорд?

— А? Да. При моем занятии без этого никак.

— При паломничестве?

Он коротко рассмеялся.

— Когда-то я был законником.

Я ничего не ответил, поскольку был потрясен, что встретил человека, умеющего читать, дар, которым даже отец Петрус не овладел, а еще оттого, что не знал этого слова.

— Я изучал закон — знаешь, что такое закон? Я давал людям советы, — он смотрел в огонь, — очень влиятельным людям.

— А теперь отправились в паломничество. — Я чувствовал, что должен что-то сказать.

— А! Да. Я должен отыскать кое-что, Мальчик. Семь кое-каких предметов. Семь бесценных реликвий. Семь реликвий, которые спасут меня, — он поднял книгу так, что я смог разглядеть исписанную страницу, — РЕБРО ЗУБ ПЕРСТ БЕРЦОВАЯ КОСТЬ, — прочел он, — ПРАХ ЧЕРЕП ГРОБ...

— Ребро, зуб, перст, берцовая кость, прах, череп,

кров, — прошептал я себе. Как величественно звучали эти слова. Точно молитва.

— Ныне мне предстоит заполучить зуб, и это будет нелегко. Но я надеюсь на лучшее, теперь, когда со мной Мальчик, что так хорошо умеет лазать.

Книга исчезла в складках рясы.

— Первое задание я уже выполнил. Знаешь историю Петра, Мальчик?

— Святого Петра? — Я и верно знал, спасибо отцу Петрусу. — Петр был простой рыбак, но он стал самым первым папой римским, а теперь он охраняет райские врата.

Паломник кивнул:

— Тебя хорошо учили. Береги эту котомку, Мальчик. Береги как свою собственную жизнь. Ибо там, в котомке, покоится одно из ребер святого Петра.